

Зиммель Георг

Социальная дифференциация

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г36

Г36 **Георг З.**
Социальная дифференциация / Зиммель Георг – М.: Книга по Требованию, 2023. – 223 с.

ISBN 978-5-519-86210-3

ISBN 978-5-519-86210-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Что касается социологіи, то здѣсь еще нужно принять во вниманіе особенный при-входящій моментъ. Соціологія эклектическая наука, по скольку результаты другихъ наукъ служатъ для нея матеріаломъ. Она оперируетъ съ результатами историческихъ изслѣдова-ній, антропологіи, статистики, психологін, какъ съ сырымъ матеріаломъ, она не обращается непосредственно къ первоначальнымъ даннымъ опыта, которыя являются объектомъ другихъ наукъ, но, какъ наука, такъ сказать, второго порядка, она строитъ синтезы изъ того, что само по себѣ является для тѣхъ продуктомъ синтеза. Въ современномъ своемъ состояніи она только даетъ новое освѣщеніе, съ своей точки зрѣнія, уже извѣстнымъ явленіямъ. И такимъ образомъ необходимо фиксировать эту точку зрѣнія тѣмъ болѣе, что отъ нея соціо-логія, какъ наука, получаетъ свой специфическій характеръ. Въ такомъ случаѣ общая концепція, единство конечной цѣли, способъ изслѣдованія должны быть установлены прежде всего. Все это должно быть дано для того, чтобы можно было приступить къ построенію новой науки, между тѣмъ какъ другія исходятъ скорѣе изъ матеріаль-наго содержанія, чѣмъ изъ формы, которая опредѣляется у нихъ непосредственно самымъ содержаніемъ. Едва ли нужно упомянуть, что устанавливаемое здѣсь различіе имѣетъ лишь

относительное значеніе, что нѣтъ такой науки, содержаніе которой сводилось бы къ голымъ объективнымъ фактамъ, безъ ихъ толкованія и группировки по тѣмъ или инымъ категоріямъ, безъ выведенія изъ нихъ общихъ нормъ. Эти толкованія, категоріи, нормы принимаются занимающей насъ наукой, какъ апріорныя. Соціальная наука отличается отъ другихъ по преимуществу количественнымъ перевѣсомъ синтетическаго элемента, каковое отличіе дѣлаетъ особенно умѣстнымъ предварительное фиксированіе общихъ точекъ зрѣнія, обуславливающихъ построеніе тѣхъ или иныхъ комбинацій. Конечно этимъ вовсе не сказано, что нужно добиваться самыхъ точныхъ опредѣленій коренныхъ понятій соціологіи, которыя бы дали возможность напримѣръ отвѣтить сразу, апріорно, на такіе вопросы, какъ: «что такое общество», «что такое индивидуумъ?» «Какъ возможны взаимныя психическія вліянія индивидовъ?» и т. д.; напротивъ, приходится довольствоваться только самымъ общимъ опредѣленіемъ подлежащей области и ожидать основательнаго знакомства съ объектомъ, только при условіи серьезнаго изслѣдованія матеріальнаго содержанія, если мы не желаемъ впасть въ ошибку старой психологіи, что «не возможно познаніе проявленій психической жизни прежде, чѣмъ установлена сущность души».

Еще и теперь не потеряла значенія аристотелевская истина, именно: то, что для самой сущности первое, для сознанія является послѣднимъ. Въ логическомъ построеніи науки, понятно, дефиниціи коренныхъ понятій занимаютъ первое мѣсто, однако только готовая наука можетъ быть построена отъ простѣйшихъ элементовъ. Когда же приступаютъ къ построенію новой науки, приходится исходить изъ непосредственныхъ данныхъ, которыя, по большей части, бываютъ очень сложны и подлежатъ постепенному разложенію на первоначальные элементы. Посмотримъ, не представляетъ ли данное соціологіи одного изъ сложнѣйшихъ тѣлъ, которыя только мыслимы. Если человѣкъ представляетъ высшее образованіе, котораго достигла естественная эволюція, такъ это именно вслѣдствіе того, что въ немъ содержится максимумъ самыхъ разнородныхъ силъ, которыя посредствомъ модификаціи, уравниванія и подбора создали этотъ микрокосмъ; организація тѣмъ выше, чѣмъ болѣе разнородныя силы находятся въ ней въ равновѣсіи. Но разъ единое человѣческое существо снабжено такой почти необъятной массой скрытыхъ и дѣйствующихъ силъ, то complicatio неизмѣримо увеличится тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто взаимныя вліянія такихъ существъ и гдѣ сложная организація одного, суммируясь съ дру-

гими, даетъ неисчислимую массу различнѣйшихъ комбинацій. Если задачей соціологіи является изслѣдованіе общенія людей и законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія индивидовъ, насколько они суть члены группы, и самыхъ группъ между собой, то сложность объекта соціологіи ставитъ ее въ отношеніи возможности познанія на ряду съ метафизикой и психологіей. Эти послѣднія имѣютъ ту общую особенность, что исключаютъ другъ друга положенія представляютъ въ нихъ одинаковую долю вѣроятности и доказательности. Положеніе, что міръ въ послѣднемъ счетѣ абсолютно однороденъ и что всякая индивидуализація и различіе представляютъ только кажущееся явленіе, это положеніе имѣетъ столько же вѣроятности, какъ и вѣра въ абсолютную индивидуальность каждой частицы вселенной, въ которой нѣтъ даже двухъ листьевъ вполне одинаковыхъ; и въ то что всякое сведеніе къ однородному есть лишь особенность нашего духа, есть лишь слѣдствіе психической склонности къ простотѣ, склонности, не находящей себѣ никакого оправданія въ объективномъ мірѣ. Послѣдовательный матеріализмъ приводитъ къ конечному метафизическому положенію такъ же, какъ указаніе на духъ, проникающій все сущее и составляющій сущность міра. Когда одинъ философъ счелъ мозгъ за

«вещь въ себѣ», по отношенію къ духу, а другой—духъ за субстанцію мозга, то оба они привели одинаково глубокіе и вѣскіе доводы въ пользу своихъ мнѣній. Тоже наблюдаемъ мы и въ психологій, въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствіе связи съ фیزیологіей дѣлаетъ невозможной изоляцію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и точнѣйшее изслѣдованіе примитивныхъ проявленій психической жизни, гдѣ дѣло касается причинной зависимости проявляющихся во внѣ *готовыхъ* мыслей, чувствъ и волевыхъ актовъ. Такъ мы нерѣдко видимъ, что личное счастье, съ одной стороны является причиной самоотверженной дружбы, въ силу которой данный субъектъ отъ души желаетъ видѣть своего ближняго безконечно счастливымъ, а съ другой—порождаетъ безсердечную надменность, которой совершенно чуждо пониманіе и сочувствіе чужому горю; и оба явленія находятъ себѣ одинаково доказательное психологическое объясненіе. Точно также мы предполагаемъ, съ равной вѣроятностью, и то, что разлука двухъ субъектовъ усиливаетъ ихъ взаимныя чувствованія, какъ и то, что она ихъ ослабляетъ; что оптимизмъ въ такой же степени, какъ и пессимизмъ влечетъ за собой проникнутый высшими этическими началами образъ дѣйствій; что въ одномъ случаѣ любовь къ болѣе или менѣе тѣсному кружку дѣ-

лаетъ сердце воспріимчивымъ и т. е. интересамъ болѣе отдаленныхъ круговъ людей, а въ другомъ, напротивъ, отчуждаетъ его и дѣлаетъ нечувствительнымъ къ не своимъ интересамъ. И не только содержаніе, можно измѣнять и направленіе психологическихъ взаимодѣйствій, не нарушая ихъ правильности. Что безнравственность является причиной внутренней неудовлетворенности (*inneren Unglücks*), одними психологами доказывается съ такой же основательностью, какъ другими то, что неудовлетворенность служить причиной деморализаціи; что вѣрованіе въ опредѣленные религіозные догматы порождаетъ умственную несамостоятельность и отупѣніе, доказывается не менѣе основательно чѣмъ то, что духовный нигилизмъ людей собственно приводитъ къ вѣрѣ въ неземныя сверхъестественныя существа.¹ Словомъ ни въ метафизикѣ, ни въ психологіи мы не найдемъ устойчивости теоретическихъ выводовъ, такъ какъ она дискредитируется возможностью всякому положенію противопоставить прямо противоположное.

Причину этой странной двусторонности нужно несомнѣнно искать въ томъ, что объекты, о взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ, идетъ рѣчь, уже сами по себѣ не однородны. Вседенная, какъ цѣлое, надъ которымъ опери-

рують метафізическія теоріи, заключають въ себѣ неизмѣримое множество разнороднѣйшихъ элементовъ, и любое метафізическое воззрѣніе опирається на такую массу доводовъ, которая имѣетъ съ психологической точки зрѣнія достаточно силы, чтобы вытѣснить изъ сознанія всѣ данныя опыта, сообщающія общей картинѣ мірозданія противоположную окраску. Ошибка лишь въ томъ, что, либо частичная истина возводится на степень всеобщей, либо на основаніи изслѣдованій извѣстной области явленій выводиться заключеніе къ цѣлому, заключеніе, безусловно невозможное, если изслѣдованіе будетъ распространено на другія данныя опыта; здѣсь погрѣшность, такъ сказать, не столько со стороны содержанія, сколько со стороны метода, больше количественная, чѣмъ качественная. Здѣсь же нужно искать основаніи неполной состоятельности психологическихъ выводовъ. Общія понятія психическихъ функцій, между которыми (функціями) теорія устанавливаетъ тѣ или иные связи, слишкомъ общи и даютъ такую массу нюансовъ, что, смотря по фиксированію тѣхъ или другихъ, получаются совершенно различныя послѣдствія одного и того же, съ точки зрѣнія теоріи, аффекта; напр., понятіе счастья, или религіозности—границы того или другого такъ обширны, что различные его пункты, несмотря на принадлежность къ одному и то-

му же понятію, могутъ быть разсматриваемы, какъ причины совершенно разнородныхъ послѣдствій. Поэтому ни одна изъ упомянутыхъ психологическихъ сентенцій не можетъ быть названа совершенно неправильной; онѣ грѣшатъ большей частью лишь въ томъ, что удѣляютъ мало вниманія специфическому различію, которое, ближе опредѣляя выше упомянутыя общія понятія, приводитъ ихъ то въ одну то въ другую и притомъ совершенно противоположную связь. Совершенно вѣрно то, что разлука усиливаетъ любовь, но не разлука и любовь вообще, а только опредѣленные виды той и другой находятся въ такомъ соотношеніи; также точно вѣрно и то, что разлука ослабляетъ чувство любви, но опять таки не всякая вообще разлука и любовь, а извѣстный родъ разлуки дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ на извѣстный же нюансъ любви. Гдѣ мы для объясненія происхожденія даннаго психологическаго явленія прибѣгаемъ къ другому какому-нибудь явленію, то это послѣднее само по себѣ вовсе не есть конечная причина перваго; нѣтъ, все изслѣдованное и неизслѣдованное еще содержимое души, вмѣстѣ съ выбраннымъ движеніемъ, служить къ опредѣленію происхожденія изслѣдуемаго явленія. Когда такія психическія явленія, какъ любовь, ненависть, счастье, или

такія качества, какъ умъ, раздражительность, смиреніе, разсматриваютъ, какъ причину, то въ нихъ сводятъ во-едино цѣлый комплексъ разнороднѣйшихъ силъ, которыя отъ изслѣдуемаго аффекта получаютъ только окраску или направленіе. Опредѣляющимъ моментомъ здѣсь является не общее положеніе, что дѣйствіе всякой силы находится въ зависимости отъ общаго состоянія существа, изъ котораго сила исходитъ, и что его слѣдуетъ разсматривать, какъ результатъ взаимодействія между доминирующей силой и массой другихъ, дѣйствующихъ въ тоже время и въ томъ же мѣстѣ, а то, что именно человѣческая душа представляетъ собой такое необыкновенно сложное образованіе, что всякое наименованіе того или другаго состоянія однимъ какимъ-либо однороднымъ понятіемъ есть лишь апріорное обозначеніе; въ нашей душѣ имѣетъ мѣсто постоянно и притомъ одновременно такая масса процессовъ, такое множество силъ проявляетъ въ ней свое дѣйствіе, что представленіе причинной зависимости между простыми психологическими понятіями, (какъ въ приводившихся примѣрахъ) вполне односторонне; не отдѣльный простой аффектъ переходитъ въ другой, переходъ совершается между цѣлыми комплексами душевныхъ аффектовъ, изъ которыхъ главные, болѣе повышенные, хотя и

выдаются надъ остальными, но ихъ нюансированіе зависитъ отъ всей совокупности содержаемаго нашей души. Какъ тембръ звука опредѣляется созвучными обертонами, и мы такимъ образомъ воспринимаемъ не чистый тонъ, но большее или меньшее количество однородныхъ тоновъ, изъ которыхъ главный лишь является наиболѣе яснымъ, но отнюдь не рѣшающимъ для эстетическаго впечатлѣнія; также точно каждое представленіе и чувство окружено цѣлымъ сонмомъ спутниковъ, которые его индивидуализируютъ и сообщаютъ ему то или другое дѣйствіе. Изъ массы психическихъ образующихъ достигаютъ области сознанія только немногія руководящія представленія, и замѣченная однажды между ними причинная связь для другого раза значенія не имѣетъ, такъ какъ уже успѣло измѣниться состояніе души, и тѣ же образующія, которыя въ первомъ случаѣ дѣйствовали въ направленіи опредѣленной связи, во второмъ—проявили дѣйствіе прямо противоположное. Вотъ причина, почему для психологіи немислимы законы въ естественно-научномъ смыслѣ: волѣдствіе сложности ея явленій, никоимъ образомъ не можетъ быть наблюдаемо въ дупѣ изолированное дѣйствіе элементарной силы; каждая сила сопровождается такой массой спутниковъ, что никогда